

УДК 94(37)

РЕАКЦИЯ РИМСКИХ ВЛАСТЕЙ НА РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЕГИПЕТСКИХ КУЛЬТОВ В РИМЕ (I в. до н.э. – I в. н.э.)

© 2012 г.

М.С. Чисталев

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

marcus7@mail.ru

Поступила в редакцию 12.07.2012

Рассматривается отношение официальных римских властей к распространению египетской религии в Риме в I в. до н.э. – I в. н.э. Отмечается, что позиция римских властей менялась в зависимости от политической обстановки и, значительно реже, от личных предпочтений правителей. Автор приходит к выводу, что репрессии в отношении египетских культов были направлены не на египетских богов как таковых, а скорее на местных последователей культов.

Ключевые слова: Древний Рим, египетская религия, восточные культы в Риме, культ Исиды, восприятие иноземной культуры.

Для любого общества культурные контакты имеют как положительное, так и отрицательное значение: с одной стороны, они способствуют взаимообогащению культур и сближению народов, а с другой – интенсивное и слабо контролируемое заимствование повышает потенциальную опасность утраты той или иной общностью своей культурной самобытности. Именно поэтому проблемы взаимоотношения культур уже довольно давно привлекают пристальное внимание представителей различных гуманитарных наук. За последние двадцать лет в историографии значительно возрос интерес к теме взаимодействия между Египтом и Римом, римской и египетской культурами. Причем дебаты по данной тематике не только позволили по-новому взглянуть на процессы романизации Египта в период принципата, но также выявили новые аспекты обратного культурного воздействия со стороны Египта на Рим [1, р. 2]. Одним из значимых аспектов такого воздействия является проникновение египетских культов в Рим и реакция римских властей на этот процесс. Римская религиозная система была неотъемлемой частью римского общества и была неразрывно связана с политикой [2, р. 37]. Многие аспекты отношения к египетской религиозной практике в Риме все еще остаются дискуссионными. В частности, возможное наличие предубеждений против египетских культов в Риме, влиявшее на их восприятие со стороны римских властей, а также принадлежность некоторых римских императоров к последователям египетских культов.

Готовность римского общества к интеграции иноземных культов в свою религиозную систему неоднократно подчеркивалась историками,

впрочем, сам процесс интеграции проходил по-разному, поэтому тема восприятия римлянами египетской религии занимает особое положение в научном мире [3, р. 34]. Тем не менее далеко не все вопросы отношения римлян к египетским культам остаются до конца раскрытыми. Культы египетских божеств, проникших в Рим, «вливались» в религиозную среду и приобретали местный колорит, часто отличный от их египетского оригинала [4–9]. Однако исследование нового облика египетских божеств и их культа не является нашей целью. Настоящая работа преследует более узкую цель: изучить отношение римских официальных властей к египетским религиозным культам, а также рассмотреть возможные причины тенденциозности в восприятии египетской религии римлянами.

Следуя обозначенному выше подходу, уточним, что, рассматривая эллинизированные египетские культы, мы имеем в виду в первую очередь культ богини Исиды, который в значительной степени привлекал внимание академической науки в связи с его выдающимся положением в римской политической и культурной жизни. Первое упоминание Исиды в римской литературе мы находим у Варрона, который описывает, как в 59 г. до н.э. культы Сераписа, Исиды, Хорпократа и Анубиса были изгнаны сенатом с Капитолийского холма, а затем их алтари, разрушенные по приказу сената, были снова восстановлены в 58 г. до н.э. под влиянием популяров (Varro apud Tert. Adv. nat. 10.) [10, р. 10]. П. Ламбрехтс аргументированно доказывает, что причиной поддержки египетских культов со стороны популяров была их широкая распространенность среди городского населе-

ния, в то время как для оптиматов эти культы были средоточием опасной политической активности [10, р. 10–12].

Как сообщает Дион Кассий, пять лет спустя, в 53 г. до н.э., сенат издал декрет о сносе построенных частными лицами храмов Сераписа и Исиды, хотя они находились за пределами померия (Dio Cass. XL. 47. 3). Однако спустя еще пять лет, в 48 г. до н.э., после появления знамения возле статуи Геракла, сенат распорядился, чтобы все строения, имеющие отношение к Исиде и Серапису, были стерты с лица земли (Dio Cass. XLII. 26). Обратим внимание на некоторые факты, указанные в источниках. Наиболее очевидным является появление культа Исиды в Риме задолго до 59 г. до н.э., причем очевидно, что значимость культа была столь велика, что алтари богини стояли на Капитолийском холме в религиозном центре города, что соответствует сведениям, которые мы можем получить из других источников, например из заупокойных надписей жрецов Исиды¹. Также можно отметить тенденцию к ужесточению мер, направленных против культа Исиды: от запрета на размещение алтарей на Капитолийском холме до уничтожения храмов до основания. Очевидно, однако, что эти меры не могли привести к полному искоренению культа Исиды [11, р. 204], о чем свидетельствует история побега эдила М. Волузия в 43 г. до н.э., переодевшегося в одежды жреца Исиды (Val. Max. VII. 3. 8; App. B. civ. IV. 47). Тем же годом датировано сообщение Диона Кассия, согласно которому триумвиры Октавиан, Антоний и Лепид дали обет о строительстве к концу 43 г. до н.э. храма Сераписа и Исиды (Dio Cass. XLVII. 15. 4). При этом нет никаких сведений о выполнении этого обета, что может быть связано с надвигавшимся противостоянием между Марком Антонием и Октавианом. Но поскольку данный обет был дан Антонием еще до выступления на его стороне Клеопатры, можно полагать, что Антоний преследовал собственные цели, не связанные с борьбой за власть в Риме.

Примечательно, что все вышеперечисленные негативные действия официальных римских властей в отношении египетских культов в Риме имели место до того, как Клеопатра, будучи царицей Египта, заняла видное положение во взаимоотношениях двух государств. Это, в свою очередь, означает, что многочисленные попытки сената пресечь распространение культа Исиды в Риме в этот период не имеют отношения к представлению Клеопатры как богини Исиды, а также не являются ответом на честолюбивые устремления царицы Египта. Можно предположить, что более вероятным объясне-

нием действий сената было особое положение Египта в римской политике этого периода. Вопрос о статусе Египта оставался нерешенным с 87 г. до н.э., когда Птолемей XI под нажимом Суллы завещал Египет после своей смерти римлянам. Но даже к 63 г. до н.э. римляне, по всей видимости, формально так и не приняли наследство (Cic. Leg. agr. 2. 41) [12, р. 363].

Птолемей XII Авлет, унаследовавший трон, много лет пытался получить признание своих прав на египетский престол, потратив огромные суммы денег в Риме с целью заполучить статус союзника и друга римского народа (Dio Cass. XXXIX. 12. 1). Однако, когда в 58 г. до н.э. он проигнорировал аннексию Римом Кипра (инициированную трибуном Клодием), где правил его брат, восстание в Александрии вынудило его бежать в Рим. Между тем Помпей, приняв Авлета, рекомендовал его сенату и добился его восстановления на престоле. Жители Александрии, не желавшие воцарения Авлета, прислали в Рим посольство, но большинство послов были убиты. Сирийский проконсул Габиний, изгнавший алтари Исиды в 58 г. до н.э., которому Птолемей пообещал за помощь 10 000 талантов, с римским войском вернул Птолею его державу (Strabo. XVII. 1. 11).

Политические интриги и постоянно меняющиеся политические союзы в Риме в итоге и обеспечили принятие целого ряда мер против египетских культов, но при этом вряд ли правомерно расценивать действия римских властей как проявление негативного восприятия римлянами египетской религии. Скорее мы можем говорить о том, что Египет был втянут в противостояние между теми, кто боролся за власть в Риме. Таким образом, мы не можем согласиться с позицией тех историков, которые видят в действиях римских властей исключительно антиегипетскую позицию [11, р. 207]. Напротив, ключевым в рассмотрении этих событий должен быть вопрос: кому было выгодно и кто мог извлечь политическое преимущество от повторных нападений на египетских богов в Риме? Связь между культом Исиды и Помпеем, отмеченная Л. Хэйном [13, р. 145], и между культом Исиды и Клодием, наличие которой аргументированно предположил Ф. Коарелли [14, р. 468], дает нам основание полагать, что все действия против Исиды могут трактоваться как политические шаги, направленные на ослабление самих политических лидеров, а именно Помпея и Клодия. Более осторожна в своих выводах С. Такаш, которая не склонна видеть политический подтекст в реакции римских властей на египетские культы [7, р. 134]. Однако если всё же опираться на предположение о по-

литических мотивах, то становится понятен подтекст действий Габиния, который в зависимости от текущей политической ситуации сначала изгонял алтари Исиды в 58 г. до н.э., а затем с помощью римской армии возвращал власть Птолемею XII в 55 г. до н.э. Следует отметить, что в силу отсутствия достаточного количества источников мы не можем определить, кто именно из римских политиков мог инициировать действия, направленные против египетских культов в Риме и какие цели в итоге он преследовал.

С другой стороны, в источниках сенат предстает единодушным в вопросе о противодействии культу Исиды, который привлекал большое количество последователей из неаристократических слоев [15, р. 106]. Широкое распространение египетских культов среди римлян подтверждает и сообщение Валерия Максима о том, что консул Эмилий Павел, который должен был по воле сената разрушить алтари Исиды и Сераписа в Риме, не смог найти исполнителей для этого дела и был вынужден сам приступить к нему (Val. Max. I. 3. 4). В этой связи действия сената можно расценить как попытку подтвердить свою власть в вопросах религии, одной из традиционных сфер сенатского контроля. Здесь нельзя не согласиться с С. Такаш, которая трактует данный эпизод как попытку сената воспользоваться возможностью восстановить свое главенствующее положение в вопросах принятия значимых решений перед лицом регулярно возникавших в этот период вызовов сенаторской власти [7, р. 65].

Все вышесказанное, в свою очередь, позволяет сделать вывод (разумеется, с поправкой на скудность источников) об отсутствии в действиях римских властей этого периода ярко выраженной антипатии именно к египетским культам, основанной на неприятии религиозной концепции, чуждой римским традициям. Начиная с I в. до н.э. римляне сталкивались с необходимостью интеграции культов иноземных богов в свою религиозную систему, поскольку это было неизбежным следствием становления Римской республики как мировой державы. Но при этом новые религиозные культы влияли на изменения в римской жизни, что, в свою очередь, приводило к внутренним конфликтам. Однако готовность римлян к принятию иноземных религиозных культов, с одной стороны, способствовала укреплению Рима как мировой державы, а с другой стороны, создавала для римлян определенные трудности в их стремлении подчеркнуть свою идентичность. Разумеется, на отношение римлян к иноземным культам и жрецам свой отпечаток наложили и граждан-

ские войны, поэтому в I в. до н.э. именно внутренние, а не внешние проблемы для Рима стали главной угрозой римской идентичности и именно в этот период происходит формирование римского отношения к египетской религиозной практике.

Различия между публичными и частными верованиями в Риме [16, р. 232] нашли свое отражение и в правлении Октавиана. Дион Кассий сообщает, что в 28 г. до н.э. Октавиан запретил проведения египетских церемоний в пределах померия, но при этом храмы, построенные частными лицами, он приказал восстановить сыновьям или потомкам тех, кто их строил, остальные восстановил сам [17, S. 62] (Dio Cass. LIII. 2. 4). Хотя Дион Кассий напрямую и не пишет об отмене декрета, принятого в 53 г. до н.э., но, по всей видимости, эта акция Октавиана означает, что он был отменен. М. Рейнхолд убежден, что его указ свидетельствует о его личном отвращении к египетским богам и религиозным обрядам [18, р. 98]. Действительно, отношение Октавиана к египетским культам нельзя назвать позитивным. Во время своего пребывания в Египте Октавиан благожелательно отзывался о боге Сераписе, хотя и отказался поклониться Апису, заметив, что он почитает богов, а не крупнорогатый скот (Dio Cass. LI. 16. 4–5). М. Рейнхолд подчеркивает, что почитание Октавианом Сараписа было лишь тонким политическим ходом, скрывавшим его глубокую антипатию к египетским культам [18, р. 99]. Аналогичной позиции придерживался и П. Ламбрехтс, который утверждал, что отношение Октавиана к египетским культам значительно изменилось за период между 43 и 10 гг. до н.э. Несмотря на то что политику Октавиана всегда определяла сдержанность и гибкость, в том числе и по отношению к египетским религиозным традициям, по мнению П. Ламбрехтса, за этот период его отношение стало более враждебным [10, р. 18]. Тем не менее довольно сложно разглядеть ярко выраженную антиегипетскую направленность в действиях Октавиана: запрет на египетскую религиозную практику в пределах померия можно отнести к попытке восстановить исконный принцип, согласно которому поклонение иноземным богам не должно осуществляться в пределах священных границ Рима [19, р. 180]. Октавиан хотел подчеркнуть различия между римскими и иноземными религиозными традициями с целью восстановить римскую идентичность, но при этом римское государство оставалось открытым для иностранных религиозных культов [20, р. 24].

По всей видимости, несмотря на отсутствие поддержки египетских культов со стороны рим-

ских властей, мы вправе сделать осторожное предположение об их процветании в Риме и о расширении их влияния на горожан, о чем свидетельствует тот факт, что Агриппа в 21 г. до н.э. был вынужден принять очередные меры, ограничивающие проведение египетских ритуальных обрядов в пределах города (Dio Cass. LIV. 6. 6). Кроме того, к концу I в. до н.э. наблюдается увеличение интереса к египетским мотивам в изобразительном искусстве, что говорит о росте популярности в Риме египетской тематики в целом: самым поразительным здесь является то, что даже во дворце Октавиана на Палатине изображены египетские уреи, также именуемые короной из уреев Исида, нильские сцены и другие египетские мотивы [21, p. 23].

При преемнике Октавиана, Тиберии, последователи культа Исида снова подверглись гонениям в Риме в 19 г. н.э. Однако и здесь не обошлось без политических мотивов. Виной всему были опрометчивые действия в Египте усыновленного Тиберием Германика (Suet. Tib. 15). До Германика дошла весть о сильном голоде в Египте, и он не стал тратить времени и ожидать разрешения Тиберия на поездку, хотя запрет на посещение Египта для сенаторов и знатных всадников, введенный еще Октавианом, продолжал действовать (Tac. Ann. II. 59). Последний урожай был плохим, но в амбарах хранилось достаточно зерна, собранного там за два года до этого. Спекулянты поддерживали высокие цены, поставя на продажу зерно в очень небольшом количестве. Германик открыл зернохранилища и таким образом наполнил рынок зерном (Suet. Tib. 52). Однако результатом новых спекуляций стала нехватка зерна и голод уже в столице империи. Кроме того, он посещал Мемфис, чтобы увидеть святилище Аписа, где ему было явлено дурное предзнаменование, когда бык отказался брать у него с рук еду (Plin. N.H. VIII. 185; Amm. XXII. 14. 8). Важно отметить и то, что Германик посетил святилище именно *зооморфного* бога Аписа, более того, он воспользовался оракулом этого бога, что было несвойственно представителям римской верховной власти до него, учитывая негативное отношение римлян к поклонению животным. Исходя из реакции Тиберия, определенно можно сказать, что «проегипетские» действия Германика не нашли поддержки со стороны императора.

По мнению С. Такаш, действия Тиберия против Исида, которая олицетворяла в глазах императора Египет, имели в своей основе цель продемонстрировать и подтвердить свою власть, которая не только была поставлена под угрозу несанкционированным посещением

Египта Германиком, но и отчасти подорвана открытием зернохранилищ [22, p. 78]. Однако, говоря об отношении Тиберия к культу Исида, нельзя игнорировать скандальную историю с добродетельной матроной Паулиной, подвергшейся соблазнению влиятельным всадником Децием Мундом, которому удалось осуществить свой замысел благодаря действиям жрецов культа Исида (Jos. Ant. Iud. XVIII. 65–80). Реакция Тиберия была довольно жестокой: жрецов храма Исида приговорили к распятию, сам храм был разрушен, а изображения богини были сброшены в реку Тибр (Jos. Ant. Iud. XVIII. 80). На наш взгляд, именно покушение на значимое для римлян добродетельное начало и явилось основной причиной гонений на последователей культа Исида в правлении Тиберия. Он стремился продолжать действия Августа, направленные на восстановление традиционной римской морали, противопоставляя ее «распущенному» поведению последователей восточных культов. Жрецы Исида в этом случае выступали для знатных римлян главными распространителями вольнодумства, вседозволенности и непристойности [23, p. 22]. При этом последователи египетских культов имели совсем иное представление о жрецах из Египта. Для них египетский храм был местом познания и посвящения, Исида являлась повелительницей заклинаний и тайных молитв, а египетские жрецы – носителями сакрального знания и мудрости [24, p. 244]. Сейчас довольно сложно проследить происхождение таких представлений, но наиболее обоснованным объяснением может служить взаимодействие между египетскими религиозными идеями, выраженными в основном в греческой литературе, и опытом взаимоотношений римлян с самими египетскими жрецами [25, p. 218]. Определяющую роль в этом процессе имели эллинистические представления о египетских религиозных обрядах и тайных знаниях отправителей культа, но и сами жрецы активно способствовали формированию этого образа. Манефон, Херемон Александрийский создавали апологетические работы для эллинистической элиты, которые также были известны и в Риме, а жрецы Исида и Сараписа активно представляли Египет за пределами своей родины. Внутри самого Египта жрецы, по сути, удовлетворяли спрос со стороны греко-римских туристов, которые посещали страну в поисках откровений и посвящений. Вероятно, местное жречество было готово подстроиться под устоявшиеся представления туристов о египетской религии, чтобы обеспечить себе возможность получения приемлемого вознаграждения от них. Египетские жрецы в самом Риме

также поддерживали образ Египта как колыбели знаний. Чтобы описать этот механизм, Дэвид Франкфуртер ввел специальный термин «*стереотипное присвоение*» [26, р. 167]. Согласно Д. Франкфуртеру, под «*стереотипным присвоением*» подразумевается множество способов, которыми культуры коренных народов принимают и поддерживают стереотипы, созданные в отношении них завоевателями или представителями доминирующей иноземной культуры [25, р. 225]. В то время как последние создают экзотический образ согласно своим представлениям, потребностям и некомпетентности в вопросах чужой культуры, ее истинные носители приспособляют этот образ для получения политических и экономических преференций от доминирующей культуры или, как в нашем случае, от Рима. Разумеется, этот образ далек от истинного и только в незначительной степени отражает реальную культурно-религиозную среду. Схема Франкфуртера, тем не менее, позволяет понять причины культивирования стереотипов в отношении египетской религии со стороны римлян, а также дает представление о механизмах межкультурного взаимодействия, что представляется нам значимым аспектом в вопросе восприятия египетской культуры в римском обществе.

Возвращаясь к теме отношения к египетским культам со стороны римских властей, следует сказать, что культ Исиды получил официальное признание уже при преемнике Тиберия Калигуле. Одним из первых шагов, предпринятых Калигулой, была постройка храма Исиды на Марсовом Поле [27, S. 12]. Первое конкретное литературное описание этого храма можно найти у Лукана, когда он ссылается на культовые похороны и погребение Осириса (Luc. Phar. VIII. 831–833). Но здесь нужно отметить, что храм был построен вне померия, и у нас нет оснований полагать, что запрет на строительство храмов иноземным богам в пределах священных границ Рима был отменен. Именно в период правления Калигулы празднество в честь Исиды стало *sacra publica populi Romani* [28, р. 171]. Однозначного мнения относительно приверженности Калигулы к культу Исиды нет. М. Верслийс считает, что интерес Калигулы к Востоку в целом и к Египту в частности нужно рассматривать через призму его желания походить на Александра Великого (Suet. Cal. 52), а не с точки зрения увлечения египетской культурой как таковой [21, р. 23]. Однако, как показал Э. Кёберлейн, император подражал египетским обычаям практически в каждом аспекте своей жизни: начиная с амнистии для беглецов и изгнанников по восшествии на престол; еже-

дневных ритуалов по одеванию собственной статуи и принесению ей в жертву птицы и заканчивая кровосмесительными отношениями со своей сестрой Юлией Друзиллой [27, S. 34]. Его желание походить на божественных правителей Египта влияло и на его политику в отношении египетских культов в Риме [29, р. 91]. Однако, даже исходя из столь явно выраженной увлеченности Калигулы египетской тематикой, его стремление сделать культ Исиды частью государственной религии Рима остается сомнительным, а влияние египетской культуры на императора не может быть интерпретировано в качестве признака его личной приверженности культу Исиды. Ни один из существующих источников не указывает напрямую на отношение Калигулы к культу Исиды, если не считать указания Светония, что в день смерти императора готовилось представление, в котором египтяне и эфиопы должны были изображать сцены из загробной жизни (Suet. Cal. 57).

Мало сведений дают источники об отношении к культу Исиды Клавдия и Нерона, что позволяет нам сделать осторожное предположение, что их правление было периодом терпимости по отношению к иноземному культу. Несмотря на то что Клавдий негативно относился к чужеземным суевериям (Tac. Ann. XI. 15), он проявлял интерес к греческой религии, который, возможно, распространился и на эллинизированный культ Исиды [23, р. 25]. Что касается Нерона, то он иногда выделяется историками как последователь культа Исиды из-за нехарактерного для благочестивого римлянина поведения и по причине того, что в его образовании принимал участие Хермон Александрийский [30, р. 58]. Однако в действительности нет никаких серьезных оснований для такого вывода.

Интерес к египетским культам возрос в правление династии Флавиев, но подтекст этого интереса лежит больше в политической плоскости, нежели религиозной [31, р. 94]. В случае победы Марка Антония в борьбе с Октавианом концепция божественного правителя могла быть принята в Риме еще в конце I в. до н.э., но с утверждением принципата отошла на задний план и очень медленно укреплялась до тех пор, пока не обрела конкретные очертания в правление Флавиев. Концепция живущего божественного императора была абсолютно чужда римской культуре, но с появлением и распространением восточных культов это неприятие постепенно сдавало свои позиции. Честолюбивые императоры поощряли египетские культы в том числе потому, что они служили средством укрепления абсолютной власти. Свидетельства возросшего интереса к египетским культам со

стороны Флавиев мы во множестве находим в римских источниках. Согласно сообщению целого ряда источников, с Веспасианом произошло несколько «чудесных» событий, связанных с богом Сераписом (Tac. Hist. IV. 81–82; Suet. Vesp. 7; Dio Cass. LXVI. 8). При этом они истолковываются исключительно с позиции божественного происхождения его власти. Ночь накануне празднования триумфа по случаю победы над евреями Веспасиан провел в Исеуме на Марсовом поле, и именно отсюда начала движение триумфальная процессия (Jos. B. Iud. VII. 123). Кроме того, он увековечил это событие на двух монетах с изображением Исеума на реверсе [32, с. 384]. Домициан еще во время войны с Вителлием в 69 г. н.э., спасаясь от войск неприятеля, переодевался в одежды жреца Исиды, чтобы его не узнали на улице (Tac. Hist. III. 74; Suet. Dom. 1. 2), повторяя тем самым поступок эдила М. Волузия, совершенный задолго до этого (Val. Max. VII. 3. 8; App. B. civ. IV. 47). Неудивительно, что после восстановительных работ в Исеуме, проведенных Домицианом, там появилась его статуя, изображающая правителя в одеянии фараона, а также обелиск, привезенный из Египта вместе со сфинксами и кинокефалами [23, р. 28]. Несомненно, интерес Домициана к египетским культам был значителен, но мы вновь можем поставить вопрос, были ли устремления императора связаны с его личными предпочтениями, или же в большей степени египетские культы использовались им для религиозного укрепления собственной власти? С нашей точки зрения, интерес Домициана можно объяснить религиозной модой в римском обществе на египетские культы, популярность которых сам император мог использовать в том числе и для упрочения собственной власти. Однако очевидно, что доказательств для однозначной трактовки действий Домициана недостаточно, поэтому данная проблема по-прежнему остается дискуссионной [33, S. 23; 8, р. 234].

Резюмируя, можно отметить, что позиция римских властей по отношению к египетским культам в I в. до н.э. – I в. н.э. менялась в зависимости от политической обстановки и, значительно реже, от личных предпочтений носителей верховной власти. Мы можем наблюдать постепенный переход от попыток запретить распространение культов Исиды и Сараписа ввиду того, что они могли оказывать влияние на политические настроения в Риме, к возведению их в ранг государственных богов, подкрепляющих божественный статус императора.

Распространение египетских культов среди римлян оказывало влияние на изменение в от-

ношении к ним и римских властей. Представления об Исиде явились значительным вкладом египетской религии в расширение влияния египетской культуры в античном мире [34, с. 281]. Уже к I в. н.э. египетские культы начали распространяться и в западных провинциях империи [8, р. 37]. Практически во всех случаях распространение происходило из Италии, а не напрямую из Египта или Востока в целом. Что касается поклонения Исиде в провинциях, то главным вопросом является масштаб распространения культа среди различных групп провинциального населения: были ли среди последователей преимущественно торговцы, солдаты, выходцы с Востока и имперские чиновники, или же мы можем говорить о популярности религиозных верований среди местных жителей? Л. Видман считает, что египетские культы были значительно более популярны именно на территории Италии, в отличие от других регионов империи, где было найдено значительно меньше источников, на основании которых мы можем судить о популярности египетских религиозных традиций [35, S. 108]. Похожий взгляд мы находим и у В. Везетского [36, S. 28] и М. Малаиса [5, р. 14]. Именно имперские чиновники невысокого ранга и торговцы, а не выходцы из Египта или с Востока были основной движущей силой распространения культа Исиды в римских провинциях [23, р. 24].

Несмотря на то что многие римские императоры часто в исторической литературе относятся к последователям культа Исиды, критический анализ исторического материала позволяет предположить, что ни один из них не был напрямую вовлечен в культ Исиды и посвящен в ее мистерии.

Что касается римских властей, то они с подозрением и даже враждебностью относились ко всем так называемым «восточным» культам независимо от того, были ли они греческого или египетского происхождения, потому что они были несовместимы с рациональной и утилитарной природой консервативных религиозных традиций Рима. Они боялись не только иррациональных элементов в религиозной практике иностранных культов, но и политической оппозиции и подрывной деятельности, разжигаемой последователями этих культов. С другой стороны, повторные попытки сената еще в I в. до н.э. запретить египетские культы в Риме позволяют нам предположить, что данные репрессии были направлены не на египетских богов как таковых, а скорее на местных последователей культов. Мы не можем констатировать особо негативное отношение к египетским культам в Риме: действия римских властей укладывались в

общие тенденции по противодействию иностранным культам на территории Рима.

Совершенно другая картина предстает перед нами уже к середине I в. н.э.: египетские культы в Риме завоевывали всё большее количество сторонников. Культ Исиды проник даже в Германию, его следы обнаружены в Кёльне, Майнце, Аугсбурге и Трире [37, S. 161]. Вполне понятно, что в Греции, Галлии, на Апеннинском и Иберийском полуостровах, в Британии и т.д. Исида имела местный облик, во многом отличавший ее от Исиды египетской. Вероятно, именно греческие мореплаватели наделили Исиду чертами морской богини: эти черты были абсолютно чужды изначальному облику богини и национальному характеру египтян [38, p. 84]. Но вместе с тем у них было и что-то общее: в первую очередь это мистический характер самого культа, а также его ориентация на непосредственное обращение к личности человека [39, p. 173].

Для античного мира культ египетской богини был особенно привлекателен. Греческие боги, как и простые смертные, подчинялись слепой судьбе; по египетским же представлениям, судьбы людей вершили боги [40, p. 318]. Перспектива заступничества всемогущей и всемогущей богини – вот что влекло к Исиде всех, кто искал утешения и спасения от опасностей, таящихся в окружающем грозном мире.

Уже к I в. н.э. поклонение Исиде стало религиозной модой, и распространение культа богини определялось не только ее вселенским характером, но и в значительной мере духовными запросами населения античных государств. Ни одна религия стран Древнего Востока, за исключением христианства, не отвечала этим запросам в такой мере, как египетская, а точнее, являвшийся неотъемлемой ее частью культ Исиды. Формировало ли распространение культа Исиды отношение к Египту и египетской культуре? Разумеется, да. Несмотря на все изменения, которым подвергся культ богини в эллинистический период, он по-прежнему ассоциировался с Египтом как источником мудрости и тайных знаний.

Примечания

1. *T. Sulpici T. f(ili) {Caecili}, sac(erdotis) Isid(is) Capitoli(nae)* (CIL VI 2247).

Список литературы

1. Nile into Tiber. Egypt in the Roman World / Ed. L. Bricault, M.J. Versluys, P.G.P. Meyboom. Leiden: Brill, 2007. 562 p.

2. Wardman A. Religion and Statecraft among the Romans. L.: Granada, 1982. 217 p.

3. Nimis S. Egypt in Greco-Roman history and fiction // Journal of comparative poetics. 2004. № 24. P. 34–67.

4. Malaise M. Inventaire preliminaire des documents égyptiens découverts en Italie. Leiden: Brill, 1972. 207 p.

5. Malaise M. Les conditions de pénétration et de diffusion des cultes égyptiens en Italie. Leiden: Brill, 1972. 543 p.

6. Iside. Il mito, il mistero, la magia / Ed. E.A. Arslan. Milano: Electa, 1997. 726 p.

7. Takács S.A. Isis and Sarapis in the Roman world. Leiden: Brill, 1997. 235 p.

8. Witt R.E. Isis in the Ancient World. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1997. 336 p.

9. McCabe E.A. An Examination of the Isis Cult With Preliminary Exploration Into New Testament Studies. Lanham: University Press Of America, 2008. 128 p.

10. Lambrechts P. Augustus en de Egyptische godsdienst. Brussel: Paleis der Academiën, 1956. 35 p.

11. Orlin E.M. Foreign Cults in Rome: Creating a Roman Empire. Oxford: Oxford University Press, 2010. 264 p.

12. Shatzman I. The Egyptian Question in Roman Politics (59–54 BC) // Latomus. 1971. Vol. 30. P. 363–369.

13. Hayne L. Isis and Republican Politics // Acta Classica. 1992. Vol. 35. P. 143–149.

14. Coarelli F. Iside Capitolina, Clodio ei mercanti di schiavi // Alessandria e il mondo ellenistico-romano. Rome: L'Erma di Bretschneider, 1983. P. 461–475.

15. Ciceroni M. Introduzione ed evoluzione dei culti egizi a Roma in età repubblicana: la testimonianza delle fonti letterarie // Roma e l'Egitto nell'antichità classica / Ed. G.P. Carratelli. Rome: Istituto Poligrafico e Zecca dello Stato, 1992. P. 103–107.

16. Orlin E.M. Octavian and Egyptian Cults: Redrawing the Boundaries of Romanness // The American Journal of Philology. 2008. Vol. 129. № 2. P. 231–253.

17. Becher I. Augustus und der Kult der ägyptischen Götter // Klio. 1985. Bd. 67. Hft. 1. S. 61–64.

18. Reinhold M. Roman attitudes toward Egyptians // The Ancient World. 1980. Vol. 3. P. 97–103.

19. Beard M., North J., Price S. Religions of Rome. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. Vol. 1. 478 p.

20. Orlin E.M. Foreign Cults in Republican Rome: Rethinking the Pomerian Rule // Memoirs of the American Academy in Rome. 2002. Vol. 47. P. 7–49.

21. Versluys M.J. Aegyptiaca Romana: nilotic scenes and the roman views of Egypt. Leiden: Brill Academic Publishers, 2002. 509 p.

22. Takács S.A. Vestal Virgins, Sibyls, and Matrons: Women in Roman religion. Austin: University of Texas Press, 2007. 220 p.

23. Heyob S.H. The Cult of Isis among Women in the Graeco-Roman World. Leiden: Brill, 1975. 140 p.

24. Dieleman J. Priests, Tongues, and Rites: The London-Leiden Magical Manuscripts and Translation in Egyptian Ritual (100–300 CE). Leiden: Brill, 2005. 356 p.

25. Frankfurter D. Religion in Roman Egypt: Assimilation and Resistance. Princeton: Princeton University Press, 2000. 336 p.
26. Frankfurter D. The Consequences of Hellenism in Late Antique Egypt: religious worlds and actors // Archiv für Religionsgeschichte / Ed. J. Assman. B.: B.G. Teubner, 2000. Bd. 2. P. 162–194.
27. Köberlein E. Caligula und die ägyptischen Kulte. Meisenheim: A. Hain, 1962. 87 S.
28. Salzman M.R. On Roman Time: The Codex-Calendar of 354 and the Rhythms of Urban Life in Late Antiquity. Berkeley: University of California Press, 1990. 315 p.
29. Balsdon J.P.V.D. Gaius and Egyptian Cults // The Classical Review. 1964. Vol. 14. № 1. P. 91–92.
30. Cesaretti M. Nerone e l'Egitto. Messaggio politico e continuità culturale. Rome: Libro, 1989. 124 p.
31. Adamo Muscettola S. I Flavi tra Iside e Cibele // La Parola del Passato. 1994. Vol. 49. P. 83–118.
32. Абрамзон М.Г. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. М.: Институт археологии РАН, 1995. 656 с.
33. Müller H.W. Der Isiskult im antiken Benevent und Katalog der Skulpturen aus den ägyptischen Heiligtümern im Museo del Sannio zu Benevent. B.: B. Hessling, 1969. 141 S.
34. Коростовцев М.А. Религия Древнего Египта. СПб.: Летний Сад, 2000. 464 с.
35. Vidman L. Isis und Sarapis bei den Griechen und Römern. Leiden: Brill Academic Publishers, 1981. 156 S.
36. Wessetzky V. Die ägyptischen Kulte zur Römerzeit in Ungarn. Leiden: Brill Academic Publishers, 1961. 56 S.
37. Grimm G. Die Zeugnisse ägyptischer Religion und Kunstelemente im römischen Deutschland. Leiden: Brill, 1969. 391 S.
38. Lipka M. Roman Gods: A Conceptual Approach. Leiden: Brill, 2009. 219 p.
39. Rives J.B. Religion in the Roman Empire. Oxford: Wiley-Blackwell, 2006. 256 p.
40. Morenz S. La Religion Égyptienne. Essai d'Interprétation. Payot: Payothèque, 1977. 346 p.

**THE ROMAN STATE'S RESPONSE TO THE DIFFUSION OF EGYPTIAN CULTS IN ROME
(1st century B.C. – 1st century A.D.)**

M.S. Chistalev

This paper considers Roman officials' attitude to the diffusion of Egyptian religion in Rome during the 1st century B.C. – 1st century A.D. It is noted that Roman officials' attitude changed depending on the political situation rather than personal preferences of Roman emperors. The author comes to the conclusion that the repressions against the Egyptian cults were not aimed at the Egyptian gods as such, but rather at the local followers of such cults.

Keywords: Ancient Rome, Egyptian religion, Isis cult, Oriental religions in the Roman world, appreciation of the alien culture.